

УДК 343.985.1

DOI 10.24411/2312-3184-2020-10021

Яцкина Инна Александровна
адъюнкт Ростовского юридического
института МВД России
E-mail: inna.yatskina.91@mail.ru

Yatskina Inna Alexandrovna
postgraduate student of the Rostov Law Insti-
tute of the Ministry of Internal Affairs of
Russia
E-mail: inna.yatskina.91@mail.ru

РОЛЬ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ДОКАЗЫВАНИИ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ПРОПАГАНДЫ ЭКСТРЕМИЗМА

Введение: в статье рассматривается такой типичный пробел в доказательственной базе по уголовным делам о преступлениях в сфере пропаганды экстремизма, как установление в действиях обвиняемого экстремистской мотивации, а также ее конкретизация. Несмотря на то, что установление мотивов преступлений входит в содержание универсального перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию согласно ст. 73 УПК РФ, в следственно-судебной практике нередко реализуется формальный подход, без должного глубокого анализа преступной мотивации. Будучи неприемлемым по целому ряду деяний, подобный подход приобретает особую опасность применительно к расследованию экстремистских преступлений, поскольку способствует неверному разрешению основного вопроса расследования.

Материалы и методы: эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 167 уголовных дел о преступлениях, связанных с пропагандой экстремизма (предусмотренных ст. ст. 280, 282 УК РФ), расследованных в различных регионах Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий полному и разноаспектному рассмотрению актуальных проблем расследования указанной группы преступлений. Кроме того, в процессе исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза.

Результаты исследования: исследовав эмпирические источники, а также специальную литературу, автор пришел к выводу о потребности в совершенствовании доказывания субъективной стороны указанного деяния, а именно в установлении наличия конкретных экстремистских побуждений, реализуемых обвиняемым при совершении преступления. Ценным тактико-криминалистическим ресурсом доказывания указанного обстоятельства выступают судебные экспертизы.

Выводы и заключения: при расследовании преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, необходимым тактико-криминалистическим средством установ-

ления наличия, сущности и содержания экстремистских побуждений выступают судебно-психологические экспертизы в комплексе с иными экспертизами гуманитарного характера, выбор видов которых зависит от конкретизации направленности деструктивных посягательств подозреваемых или обвиняемых.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, обвиняемый, мотивы, побуждения, пропаганда экстремизма, политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть и вражда, социальная группа, экспертиза, комплексная экспертиза, специальные знания, эксперт.

ROLE OF FORENSIC EXAMINATIONS IN PROVING EXTREMIST MOTIVES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF EXTREMIST PROPAGANDA

Introduction: the article considers such a typical gap in the evidence base in criminal cases of crimes in the sphere of extremist propaganda as the establishment of extremist motivation in the actions of the accused, as well as its specification. Despite the fact that the establishment of crimes included in the content of a generic list of circumstances to be proved in accordance with article 73 of the code of criminal procedure, the investigation and judicial practice often is implemented by a formal approach, without proper in-depth analysis of criminal motivation. Being unacceptable for a number of acts, such an approach is particularly dangerous in relation to the investigation of extremist crimes, since it contributes to the incorrect resolution of the main issue of the investigation.

Materials and methods: Empirical base of the study was the empirical analysis of the 167 criminal cases on crimes related to extremist propaganda (specified in articles 280, 282 of the criminal code), investigated in various regions of the Russian Federation.

The methodological basis of the study was a General dialectical method of cognition, which contributes to a complete and multi-aspect consideration of topical issues of investigation of this group of crimes. In addition, the study used methods of observation, description, generalization, comparison, modeling, analysis and synthesis.

Results: after examining empirical sources, as well as special literature devoted to this aspect, the author came to the conclusion that there is a need to improve the proof of the subjective side of the specified act, namely, to establish the presence of specific extremist motives implemented by the accused when committing a crime. Forensic examinations are a valuable tactical and forensic resource for proving this circumstance.

Summary and Conclusion: in the investigation of crimes related to the propaganda of extremism, the necessary tactical and criminalistic means of establishing the existence, nature and content of extremist motives are forensic psychological examinations in conjunction with other humanitarian examinations, the choice of the types of which depends on the specificity of the destructive encroachments of the suspects or accused.

Keywords: extremism, extremist activity, accused, motives, motives, propaganda of extremism, political, ideological, racial, national or religious hatred and enmity, social group, expertise, complex expertise, special knowledge, expert.

Современное общество столкнулось с разнообразными глобальными для человеческой цивилизации вызовами и угрозами, среди которых особое место занимает рост экстремистских и террористических проявлений [1]. Средства массовой информации практически ежедневно сообщают о совершении активистами тех или иных деструктивных объединений, либо преступниками-одиночками разнообразных экстремистских акций: физическое насилие, публичное оскорбление представителей определенной этнической, национальной, религиозной или иной группы, осквернение мест религиозного культа, разрушение или повреждение памятников и объектов культурного наследия и т. п. В обществе продолжает нагнетаться атмосфера страха, неуверенности в завтрашнем дне, национальной, религиозной, расовой, идеологической нетерпимости, усиливая взаимное отчуждение, ненависть и вражду. Именно такая обстановка, будучи проявлением диалектического закона перехода количества в качество, выступает благоприятной средой для террористических акций, совершенных путем взрыва, поджога, массового расстрела, иным общеопасным способом. Поэтому является абсолютно верной позиция о том, что явления экстремизма и терроризма, имея общее происхождение и единую природу, не только тесно взаимосвязаны друг с другом, но и взаимно подпитывают и усиливают друг друга [2; 3; 4; 5]. Несмотря на то, что правоохранительными органами предпринимаются порой вполне успешные действия по выявлению и разоблачению экстремистских и террористических группировок, к сожалению, рано говорить о победе над столь одиозным и деструктивным явлением. Особенно тревожит тот факт, что подавляющее число экстремистов и террористов относится к лицам подростково-молодежной группы, той возрастной категории, которой в силу естественной смены поколений в ближайшее десятилетие надлежит стать движущей силой общества, приняв ответственность за происходящие в нем события, тенденции и процессы. Эти обстоятельства настоятельно указывают на потребность углубленного изучения преступлений экстремистской направленности.

Вопросы расследования преступлений экстремистской направленности освещались в различных по своему статусу работах ряда исследователей, среди которых: Ю.М. Антонян, Т.А. Аристархова, А.В. Варданян, В.Г. Выстропов, А.Ю. Головин, А.А. Григорян, В.О. Давыдов, А.И. Долгова, О.Н. Коршунова, М.А. Кочубей, Р.В. Кулешов, Е.П. Сергун, В.Д. Трофимов, А.Г. Хлебушкин, О.И. Цоколова и др. Высоко оценивая труды названных исследователей, позволим отметить, что выделенная нами разновидность преступлений экстремистской направленности (а именно преступлений, связанных с пропагандой экстремизма) зачастую рассматривалась лишь в общих чертах, что закономерно обуславливает дефицит специальной литературы и, как следствие, типичные пробелы в расследовании указанных деяний.

Нормативную основу исследования образуют Конституция Российской Федерации, уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, законодательство о противодействии экстремистской деятельности; акты официального толкования норм права; подзаконные нормативные акты, регулирующие деятельность сотрудников правоохранительных и иных государственных органов в сфере борьбы с преступлениями указанной категории.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анализа 167 уголовных дел о преступлениях, связанных с пропагандой экстремизма (предусмотренных ст. ст. 280, 282 УК РФ), расследованных в различных регионах Российской Федерации.

Методологическую основу исследования составил общий диалектический метод познания, способствующий полному и разноаспектному рассмотрению актуальных проблем расследования указанной группы преступлений. Кроме того, в процессе исследования применялись методы наблюдения, описания, обобщения, сравнения, моделирования, анализа и синтеза.

Преступления, связанные с пропагандой экстремизма, по общему правилу не являют своей целью нападения на конкретных лиц (насилие может являться лишь одним из квалифицирующих признаков этих составов). С точки зрения уголовного права данные действия ограничены выражением публичных призывов к осуществлению экстремистских акций в отношении той или иной социальной группы (по национальному, религиозному, расовому или иному критерию), сопровождающихся «теоретическим обоснованием» идей либо даже «концепций» о ее «опасности», «вредности», «ущербности» и т. д. Как известно, пропаганда экстремизма – популяризация указанных деструктивных идей, их распространение, продвижение среди населения, нахождение новых сторонников и последователей.

Однако материалы уголовных дел зачастую позволяют констатировать тесную взаимосвязь пропаганды экстремизма и реальных агрессивных действий на почве экстремистских побуждений, содержанием которых выступают дерзкие нападения на представителей «враждебных», по мнению виновных, социальных групп, вплоть до физической расправы. Наиболее ощутимо такая взаимосвязь прослеживается при осуществлении групповых и организованных форм экстремистской деятельности, когда формированию психологической готовности к физическому насилию предшествует систематическое и тщательное психологическое и идеологическое воздействие (вербовщиков, наставников, идеологов и т. д.), «просветительская работа», включая проведение регулярных занятий. Но даже при отсутствии признаков, указывающих на совершение этих деяний по совокупности, очевидно, что именно деструктивное идеологическое воздействие, навязывание той или иной идеи о национальной, расовой, религиозной и другой исключительности, превосходстве, либо, напротив, ущербности является побудительным фактором для усиления социальной напряженности, возрастания насильственных экстремистских посягательств и в целом дестабилизации общественной безопасности.

Статья 282 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за совершенные публично действия по возбуждению ненависти либо вражды, унижению человеческого достоинства по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отно-

шения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Признаком публичности охватываются как непосредственные соответствующие вербальные либо демонстративно-эпатажные действия, осуществляемые в общественном месте в присутствии других лиц, так и действия с использованием информационных ресурсов: средств массовой информации и/или информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Следственно-судебная практика позволяет констатировать, что подавляющее число современных преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, осуществляется именно с использованием интернет-ресурсов. Несмотря на то, что до сих пор встречаются такие разновидности популяризации экстремистских убеждений, как непосредственное распространение листовок, брошюр, буклетов соответствующего содержания, все же ведущим и наиболее результативным, направленным на неограниченно широкий круг лиц является воздействие на пользователей социальных сетей, склонных к постепенному становлению на путь сотрудничества с вербовщиками.

К сожалению, на фоне действительной и кропотливой борьбы с данным социальным злом наметилась неблагоприятная тенденция перегибов в трактовке и оценке действий пользователей социальных сетей как экстремистских, на деле ограниченных лишь «лайками» или репостами различной информации (высказываний, изображений, видеозаписей, песен и т.д.), указывающей на признаки инакомыслия, однако далеко не всегда свидетельствующей о наличии у пользователей экстремистских убеждений. Более того, такая разновидность деяний фактически стала применяться в качестве средства обеспечения показателей «высокой раскрываемости» экстремистских преступлений, что, конечно, не лишено признаков фикции.

Среднестатистический пользователь социальных сетей, не имеющий юридического, философского, политического либо религиозного образования, далеко не всегда способен верно оценить тот или иной находящийся на просторах Интернета материал как экстремистский, обращая на него внимание лишь как на нестандартную подачу информации.

Однако совершение преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, может иметь место лишь при наличии прямого умысла, направленного на разжигание идеологического противостояния, ненависти и вражды в отношении презируемых социальных групп. Действия, осуществляемые в отсутствие умысла (спонтанный или случайный репост), не совместимы с природой экстремистских убеждений как сложившейся и аргументированной позиции в отношении агрессивного варианта решения политического, национального, религиозного или иного вопроса. Поэтому закономерно, что постепенно законодателем была осознана потребность в некотором смягчении (частичной декриминализации) положений ст. 282 УК РФ, реализованном федеральным законом РФ от 27.12.2018 № 519-ФЗ. Действующая редакция указанной нормы в качестве обязательного условия предусматривает предшествующее привлечение лица к административной ответственности за аналогичное деяние в течение года. Очевидно, что, введя административную преюдицию, законодатель стремился таким образом указать на то, что признаком наличия у лица экстремистских убеждений является их продолжительный и системный характер. Объективно, несмотря на наличие опыта привлечения к административной ответственности за аналогичный проступок, субъект так и не сделал должных выводов, не переосмыслил пагубность состояния крайней ненависти и вражды на идеологической почве и продолжил осуществ-

лять экстремистскую деятельность. Несомненно, такой жизненный сценарий может иметь место.

Но само по себе предыдущее привлечение к административной ответственности за административное правонарушение экстремистского характера еще не может однозначно предрешать виновность лица в возбуждении ненависти или вражды, унижении человеческого достоинства, предусмотренном ст. 282 УК РФ. Тем более, что производство по делам об административных правонарушениях в силу качественно иного правового режима и менее значимых последствий (в сравнении с осуждением по уголовному делу и фактическим объявлением лица преступником вступившим в законную силу приговором суда) далеко не всегда характеризуется тщательным и всесторонним исследованием обстоятельств деяния. Особенно это касается мотивации действий правонарушителей, зачастую устанавливаемой весьма поверхностно, на основании показаний и пояснений осведомленных лиц, без проведения глубоких исследований с привлечением лиц, владеющих специальными знаниями.

Если для целого ряда деяний (как преступлений, так и административных правонарушений) мотивы противоправной деятельности хотя и требуют доказывания, но, тем не менее, относятся к факультативным признакам соответствующих составов, то для посягательств экстремистской направленности они выступают системообразующим элементом механизма преступлений, лежащего в основе формирования криминалистической характеристики как информационной модели события. Те или иные действия приобретают статус экстремистских лишь при наличии у лица соответствующих деструктивных чувств и убеждений: ненависть к представителям определенной этнической, национальной, расовой, религиозной либо иной социальной группы. В качестве иной социальной группы, как показывает эмпирический анализ, могут выступать: сотрудники определенных правоохранительных органов (полиции, подразделений по борьбе с экстремизмом), представители сексуальных меньшинств, конфликтующих молодежных субкультур и т. д.). Причем наличие самого по себе психологического неприятия и отторжения к представителям той или иной общности еще не означает наличие экстремистских побуждений. О формировании таковых свидетельствует готовность лица либо лично участвовать в физической расправе над всякими представителями «презираемой» ими общности, либо, осуществляя психологическое воздействие, стимулировать к таким действиям других лиц.

Корни экстремизма глубоки и многогранны: здесь находят отражение и ошибки в реализации внутренней политики в отношении представителей определенного этноса, и не всегда корректные действия государственно-властных органов в сфере обеспечения общественной безопасности [6; 7], и характерные индивидуально-психологические особенности индивидуумов, в сочетании с переживанием ими определенных психотравмирующих ситуаций. Не являются редкостью ситуации, когда эти лица (либо их родственники, близкие лица) в свое время действительно пострадали от неправомерных (преднамеренных либо непреднамеренных) действий представителей того или иного этноса или иной социальной группы. Но при этом они осуществляют неверный психологический перенос присущих им внутренних страхов и нерешенных проблемных ситуаций на всех представителей соответствующей социальной группы, побуждая к уничтожению (либо к изгнанию из России) даже лично не знакомых им лиц.

Видится, что в ходе расследования преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, высокоэффективным тактико-криминалистическим средством выступают экспертные исследования, имеющие своей целью (либо одной из своих целей) установление мотивов деяния (в том числе определение наличия либо отсутствия экстремистских побуждений). Посмотрим, в рамках каких именно экспертных исследований целесообразно установление (следовательно, доказывание) экстремистской мотивации, побудившей лица на осуществление тех или иных действий.

Сами по себе термины «мотив», «мотивация», «цель», «побуждение» и т. д. имеют психологические корни. Закономерно, что в рамках судебно-психологических экспертиз наработан достаточный инструментарий по установлению мотивов, которыми руководствовалось лицо при подготовке, совершении и сокрытии преступления. При этом с точки зрения психологии сущность и содержание мотивов действий лиц исследуется гораздо глубже и разностороннее в сравнении с уголовно-правовым пониманием, в данном случае ограниченным ненавистью и враждой на политической, расовой, религиозной, национальной, идеологической почве. Возможности психологии позволяют определить иерархию мотивов, т. е. выделить мотивы устойчивые, постепенно ставшие свойствами характера, а также возникшие ситуативно, выявить причины и этапы формирования у лица экстремистской мотивации, а также ее специфики. При этом определение иерархии мотивов, которыми руководствовалось лицо при совершении преступления, в рамках данного исследования, несомненно, осуществляется с учетом индивидуально-психологических особенностей обследуемого лица. Это весьма значимый аспект, поскольку при внешнем сходстве противоправных действий (по их объективной стороне), нередко у разных лиц (обладающих неодинаковым набором индивидуально-психологических качеств) они продиктованы различными внутренними побуждениями, степенью их выраженности. Определение иерархии мотивов, помимо установления наличия или отсутствия экстремистских побуждений, а также конкретизации последних, позволяет определить статус лица в данной криминальной общности, реальные, а не декларируемые взаимоотношения между соучастниками, степень его участия в совершении преступлений. Установление этих аспектов приобретает значимость в случаях, когда задержанные скрывают соучастников, а равно пытаются переложить в том или ином объеме ответственность на иных лиц.

Помимо психологических исследований, проведение которых мы считаем обязательным в рамках расследования преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, при установлении специфики экстремистской мотивации приобретает также значимость исследование именно тех ее составляющих (направлений), которые явились объектом непримиримых разногласий. Как известно, данные разногласия могут быть предопределены соображениями политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой, либо ненавистью или враждой в отношении какой-либо социальной группы. В этой связи наряду с психологической экспертизой также актуализируется назначение иных видов экспертиз, возможности которых позволяют исследовать наличие деструктивных побуждений непосредственно на политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной почве. В этих случаях в зависимости от направленности деструктивного посыла подозреваемых или обвиняемых требуется назначение исследований с участием специалистов,

компетентных, соответственно, в политологии, лингвистике, философии, религиоведении и т. д.

Поскольку один и тот же фрагмент экстремистских материалов (фразы, изображения, аудио- или видеоматериалы) либо одно и то же действие подозреваемого (обвиняемого) может иметь неодинаковый смысл, исходя из контекста всех подлежащих исследованию объектов, то приобретает целесообразность назначение комплексных судебных экспертиз с приглашением в качестве экспертов лиц, обладающих знаниями в каждой из значимых сфер.

О высоком потенциале комплексных судебных экспертиз, их преимуществах в сравнении с проводимыми однородными экспертизами писал еще ученый-криминалист В.И. Шиканов [8]. Патриарх отечественной криминалистики, несомненно, прав в том, что при комплексных экспертных исследованиях члены экспертной комиссии решают поставленные перед ними вопросы не «каждый сам за себя», а «совместно, на основе кооперации (симбиоза) знаний» [9], или, говоря современной терминологией, с помощью синергетического подхода. В результате полученные выводы приобретают черты взаимной интеграции, как естественной тенденции прогресса научного знания.

К сожалению, этот подход не всегда встречает должное понимание в следственно-судебной практике. Назначение комплексных экспертиз нередко сопровождается различными проблемами и недочетами [10; 11]. Даже если назначаемая экспертиза определяется как комплексная, следователи не всегда обеспечивают участие специалистов из всех областей, заявленных в наименовании экспертизы и/или поставленных перед экспертом вопросах. Например, проведение комплексной психолого-лингвистической религиоведческой экспертизы с целью исследования материалов религиозного содержания (на предмет наличия в них признаков возбуждения религиозной розни) было поручено авторитетным ученым кафедры стилистики и риторики, а также социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета (т. е. к исследованию были привлечены психологи и лингвисты). Однако в состав комиссии экспертов не вошел специалист в сфере религиоведения, что не могло не повлиять на выводы экспертов, впоследствии подвергнутые разноплановой критике.

Резюмируя вышеизложенное, констатируем, что расследование преступлений, связанных с пропагандой экстремизма, для установления наличия, сущности и содержания экстремистских побуждений требует обязательного назначения судебно-психологической экспертизы в комплексе с иными гуманитарными экспертизами, точный выбор видов которых зависит от направленности деструктивных действий подозреваемых или обвиняемых.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Грибунов О.П. Теоретические основы и практика реализации криминалистического предупреждения преступлений экстремистской направленности / О.П. Грибунов // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2017. – № 3-2. – С. 14–21.

2. Варданян А.В. О классификации явлений экстремизма и терроризма: единство сущности и поливариантность отображения в социуме / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 31–35.

3. Варданян А.В. Криминалистические классификации преступлений и их системообразующая роль в формировании частных криминалистических методик расследования преступлений как научно обоснованных комплексов криминалистических рекомендаций / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Рос. следователь. – 2015. – № 21. – С. 5–10.

4. Варданян А.В. Диалектическое единство экстремизма и терроризма как философская предпосылка для совершенствования подходов к криминалистическому научному обеспечению антитеррористической и антиэкстремистской деятельности / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 8. – С. 115–118.

5. Варданян А.В. Соотношение понятий экстремистской и террористической деятельности: гносеологический и правовой аспекты / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Черные дыры в российском законодательстве. – 2015. – № 4. – С. 94–97.

6. Варданян А.В. Генезис экстремизма и терроризма в России как ретроспективный аспект криминалистического научного познания / А.В. Варданян, Р.В. Кулешов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2015. – № 3 (31). – С. 40–45.

7. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности: учебное пособие: для курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / А.В. Варданян. – Ростов н/Д.: ФГКОУ ВПО "РЮИ МВД России", 2015. – 217 с.

8. Шиканов В.И. Шире использовать возможности комплексной судебно-медицинской и криминалистической экспертизы / В.И. Шиканов // сб. научн.-практич. работ судебных медиков и криминалистов. – Петрозаводск, 1962. – Вып. 1. – С. 8–21.

9. Шиканов В.И. Комплексная экспертиза в советском уголовном процессе (некоторые вопросы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1967. – 391 с.

10. Варданян А.В. Судебная экспертиза в структуре доказательств по уголовным делам: некоторые современные проблемы / А.В. Варданян // Философия права. – 2019. – № 2 (89). – С. 56–60.

11. Грибунов О.П. Экспертиза объектов железнодорожного транспорта как самостоятельное направление использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте / О.П. Грибунов, Е.А. Малыгина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 107–112.

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

1. Gribunov O. P. Theoretical basis and practice of criminalistic prevention of crimes of an extremist nature / O. P. Gribunov // Izvestia of the Tula State University. Economic and legal Sciences. – 2017. – № 3-2. – P. 14–21.

2. Vardanyan A.V. On the classification of the phenomena of extremism and terrorism: unity of essence and polyvariance of representation in society / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Legal State: Theory and Practice*. – 2015. – № 4 (42). – P. 31–35.

3. Vardanyan A.V. Criminalistic classifications of crimes and their system-forming role in the formation of private forensic methods of crime investigation as scientifically based complexes of forensic recommendations / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Russian Investigator*. – 2015. – № 21. – P. 5–10.

4. Vardanyan A.V., Kuleshov R. V. Dialectical unity of extremism and terrorism as a philosophical prerequisite for improving approaches to forensic scientific support of anti-terrorist and anti-extremist activities / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2015. – № 8. – P. 115–118.

5. Vardanyan A.V., Kuleshov R. V. Correlation of concepts of extremist and terrorist activity: epistemological and legal aspects / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Black Holes in Russian Legislation*. – 2015. – № 4. – P. 94–97.

6. Vardanyan A.V. The Genesis of extremism and terrorism in Russia as a retrospective aspect of forensic scientific knowledge / A.V. Vardanyan, R. V. Kuleshov // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2015. – № 3 (31). – P. 40–45.

7. Vardanyan A.V. Modern problems of disclosure and investigation of serious violent crimes against the person: textbook: for cadets and students of educational organizations of higher education of the Ministry of Internal Affairs of Russia, employees of the internal affairs bodies of the Russian Federation / A.V. Vardanyan. – Rostov on/D.: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "RUI Ministry of Internal Affairs of Russia", 2015. – 217 p.

8. Shikanov V. I. Wider use of the possibilities of complex forensic and forensic examination / V. I. Shikanov // *Collection of scientific and practical works of forensic doctors and criminalists*. – Petrozavodsk, 1962. – Vol. 1. – P. 8–21.

9. Shikanov V. I. Complex expertise in the Soviet criminal process (some questions of theory and practice): thesis of the Candidate of Law. – L., 1967. – 391 p.

10. Vardanyan A.V. Forensic examination in the structure of evidence in criminal cases: some modern problems / A.V. Vardanyan // *Philosophy of Law*. – 2019. – № 2 (89). – P. 56–60.

11. Gribunov O. P. Expertise of railway transport objects as an independent direction of using special knowledge in the investigation of crimes committed on railway transport / O. P. Gribunov, E. A. Malykhina // *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – № 3 (47). – P. 107–112.